

ФИЛОСОФИЯ КАК ЛИТЕРАТУРА: СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ¹

О. А. ДОНСКИХ

Новосибирский государственный университет экономики и управления

olegdonskikh@yandex.ru

OLEG DONSKIKH

Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia

PHILOSOPHY AS LITERATURE: THE FORMS OF REPRESENTATIONS

ABSTRACT: The article is devoted to the problem of literary design of the process of philosophizing, which is taking place simultaneously with the formation of prose, occurring in parallel with the development of poetic genres. The author substantiates the view that the representatives of the school of Miletus initially exchanged with speeches in quite narrow circle, while the Eleatics in their poems addressed to a wider range of participants. Thus the fact that the philosophy expresses itself in different genres – from speeches and letters to poems and aphorisms, shows that it has been developing, in its content, into a separate area of intellectual life, allowing Plato to talk about the opposition of poets and philosophers. However this approach ignores the fact that poets perform reflection on the problems, definitely related to the area of philosophy. Thus, the content of what was actually the sphere of philosophizing remains unclear and does not allow anyone to classify literary expression of philosophical discourse in the form of certain genres.

KEYWORDS: Ancient philosophy, Ancient literature, genres, Ionian project, philosophy and poetry.

Это не может быть выражено в словах, как остальные науки; только если кто постоянно занимается этим и слил с ним всю жизнь, у него внезапно, как свет, засиявший от искры огня, возникает в душе это сознание и само себя питает.

Платон о философии в VII письме

По мере все более широкого использования папируса меняется характер того, что записывается. С VI века до н. э. в Ионии появляются первые сочинения, написанные прозой. Их содержание относится, в частности, к историям и условиям жизни разных народов. Как пишет Дионисий Галикарнасский: «Од-

¹ См. также: Донских 2014.

ни писали эллинские истории, другие варварские [иностранные], причем и эти истории они не соединяли одну с другою, но разделяли их по народам и городам и излагали одну отдельно от другой, преследуя одну и ту же цель – обнародовать во всеобщее сведение предания, сохранившиеся у местных жителей...» (цит. по кн.: Соболевский 1946, 13). Истории эти включают в себя мифы, необычайные события, а также теокосмогонии. Сочинения логографов не сохранились, но сохранилось множество ссылок на их работы у позднейших авторов. Самыми ранними были, по-видимому, Кадм и Дионисий (оба из Милета). В словаре Суды в этом качестве еще упоминается Акусилай (про которого упоминается, что он переписал свои «Генеалогии» с медных табличек, найденных его отцом (фр. 2 DK; здесь и далее, если не оговорено иное, фрагменты досократиков цитируются по изд.: Лебедев 1989)). Но самым знаменитым автором генеалогий был Гекатей Милетский (Harvey 1989), о котором упоминает вместе с другими, «не научившимися уму», Гераклит.

Р. Коллинз пишет, что «самая ранняя философия постепенно кристаллизуется из изобилия политических “мудрецов” и тех, кто ставил под сомнение традиционные религиозные верования в поколениях около 600 г. до н. э.» (Коллинз 2002, 146). В процессе обсуждения этих вопросов как-то формируется сравнительно небольшое сообщество, которое «отделяется через обращение к новым темам и стандартам соперничества» (Там же). И далее Коллинз говорит о том, что на начальных этапах участники заняты космологическими темами. Думается, последнее не вполне верно. Здесь Коллинз отдает дань традиции, возводящей начало философии к обсуждению проблемы «архе». Но он не случайно сам же начинает с политической философии. Здесь мы сталкиваемся с известным противоречием: конечно, формируется узкая группа мыслителей, которые вполне понимают друг друга и обращаются в первую очередь к членам группы. Однако, во-первых, сам интерес к политико-этическим сюжетам в условиях трансформации полиса явно имел общественный характер и не исчез во все время обсуждения космологических тем, а это означает, что члены группы не могли избежать соответствующих размышлений; во-вторых, космология вписывается частью в проблемы социальные, поскольку она рассматривается в качестве ключа к перестройке общественных отношений; в-третьих, формы выражения размышлений и их результатов показывают, что они далеко не всегда обращены лишь к узкой группе. Последнее утверждение и является предметом обсуждения в настоящей статье.

Во время, предшествующее появлению философии, мифологические образы начинают упорядочиваться, что означает 1) процесс, который указывает на ее закат, по крайней мере в том виде, как она существовала в бесписьменную эпоху и 2) указание на индивидуальную рефлексия (к этому времени и относится понятие «осевого времени» (К. Ясперс). Словесность, сопровождавшая обряд, не подразумевала никаких систем и жанров. А возникающая рефлексия начинает разлагать миф на элементы, связывать их вне непосредственного действия и формировать жанры. Не случайно, античная трагедия появляется

одновременно с фиксацией эпоса в эпоху Писистрата. «В среде, где личность уходила без остатка в безразличие массы, ликования победы выразились бы народной эпической песней, в которой общее настроение, общая оценка пережитого скажется прославлением типического героя; в личности обособившейся яркий исторический момент, самая громоздкость обступивших ее событий вызовет потребность анализа, счетов с собою и руководящими началами жизни, в виду требования действия, обострит этот внутренний конфликт, который явится и условием и продуктом индивидуализации. Драматическая форма, как внешнее действие, как сцена, уже существовала, теперь она объявится драмой, отвечая спросу времени; условиями ее художественного обособления, ее популярности представляются мне: развитие личности и громкие события народно-исторического характера, открывающего народу новые пути и далекие перспективы» (Веселовский 1989, 52). Одновременно с индивидуальным отношением к событиям начинается их новое словесное оформление.

Ч. Кан говорит об «ионийском проекте» – истории (*historiē* – исследование), которое шире аристотелевской физики (*physikē*), потому что включает еще и геометрию и астрономию (Kahn 2003, 140). Дионисий упоминает немало имен историков-логографов. Это естественно, поскольку в процессе государственного строительства и письменной фиксации законов неизбежно осуществляется рефлексия по поводу традиции. В это же время начинают писаться и сочинения о природе. Кроме того, есть упоминания о прозаических сочинениях, посвященных великим храмам, в частности, храму Артемиды Эфесской (Kahn 2003, 149–150).

Следует иметь в виду различие, на которое обращает внимание Ф. Якоби, – о Фалесе Диоген Лаэртский говорит, что он первый «вел беседы» (*dielechthē*) о природе, и со ссылкой на Феопомпа говорит, что Ферекид первый «написал» (*egrapse*) о природе (Jacoby 1947, 23).² Стоит обратить внимание на различие между «ведением беседы» и «написанием». Дело в том, что, как замечает Кан, «работа Анаксимандра, ... независимо от того, была ли она создана раньше или позже, чем работа Ферекида, не соответствует никакому литературному жанру и поэтому не поднимается до того, чтобы представлять прозу» (Kahn 2003, 142). Тем не менее, Кан считает, что Анаксимандр начинает новый жанр – трактат *peri physeōs*, «о природе». Успех нового жанра очевиден уже из того, что его продолжили Анаксимен, Анаксагор, Диоген и другие в ионийской традиции, а также Алкмеон и Филолай в дорической прозе (Kahn 2003, 145).

Если учитывать то, что Анаксимандр жил или раньше или одновременно с Ферекидом, и известно, что он пользовался прозой, важно ответить на вопрос, почему он не упоминается в качестве первого прозаика. Единственная фраза у Диогена Лаэртского, описывающая письменное сочинение Анаксимандра, зву-

² Якоби придерживается мнения, что было два Ферекида – Сиросский и Афинский. Но, как показал Д. Л. Тойе, все же убедительнее предположение о том, что был один Ферекид – теолог и автор генеалогий (см. Тойе 1997, 560).

чит так: «Он сделал суммарное изложение своих воззрений» (12 А 1 DK). Это никак не указывает на форму изложения, но только на содержание. Про форму нам известно, что это была ритмизованная проза, в противоположность Анаксимену, писавшему языком тоже прозаическим, но простым и безыскусственным (Диоген Лаэртский II 3; здесь и далее цитируется в пер. М. Л. Гаспарова). Прозаические сочинения были известны под названием *syngraphai* (аттич. *syngrammata*).

Итак, Фалес «вел беседы», Ферекид «писал», а где же здесь место Анаксимандра? Кан предполагает, что Анаксимандр продолжает старую традицию технической прозы, под которой он понимает заметки, необходимые для использования, усовершенствования и обучения техническим специальностям, в частности, строительному делу (Kahn 2003, 146). И работы Ферекида, Анаксимандра и архитекторов предполагают, что использование прозы вдруг становится признанным способом коммуникации для полу-литературной и квазилитературной аудитории» (Kahn 2003, 151). Имеет смысл учесть два указания на то, как ионийцы представляли свои воззрения – «ведение беседы» и «суммарное изложение». Это вполне может свидетельствовать о продолжении традиций риторики, т. е. о составлении речей. «Суммарное», «обобщенное» изложение указывает не на техническую прозу, а, скорее, на речь, произнесенную для узкого круга интеллектуалов. И тогда прозаический характер сочинений становится вполне обоснованным. Но при этом ни о каком новом использовании прозы речи тоже идти не может, и тогда понятно, почему никто специально не отмечал первенство Анаксимандра. Если считать, что действительно от ионийцев идет традиция жанра «о природе», то стоит обратить внимание на первую фразу сочинения Диогена Аполлонийского – «Начиная любую речь (λόγος), думается мне, надо представить исходное начало...» (64 А 1 DK).³ Примерно так же свидетельствует Диоген Лаэртский об Алкмеоне Кротонском: «... он сам говорит в начале своего сочинения...» И дальше: «Алкмеон Кротонец, сын Пейрифоя, так сказал Бротину, Леонту и Бафиллу: о вещах незримых, о вещах божественных...» (24 А 1 и В 1 DK).

Кроме того, мы опять сталкиваемся с утверждением, что он «первым написал прозаический трактат о природе» (24 А 2 DK).⁴ Т. е. философствующие милетские прозаики фактически составляли речи для своих коллег и учеников. На это есть и еще одно косвенное указание. Фемистий в одной из своих речей говорит: «[Анаксимандр] первым из известных нам эллинов осмелился написать и обнародовать речь “о природе”» (12 А 7 DK). Здесь обращает на себя внимание тот момент, что говорится о «речи» о природе. Именно речь произносится прозой.⁵ И здесь мы имеем своеобразное пересечение риторики и ми-

³ М. Л. Гаспаров (1996, 350) переводит здесь λόγος как «рассуждение».

⁴ М. Л. Гаспаров (1996, 329) переводит этот отрывок как «рассуждение о природе».

⁵ Известны в греческой культуре и речи, представленные поэтически (уже в «Илиаде»), но они никак не могли стать образцом для значительной части населения.

фологии. Алкмеон Кротонский прямо перечисляет тех, кому он адресует свои речи (Kannicht 1988, 2). Похоже, мы действительно имеем дело с речами, обращенными к небольшому числу интеллектуалов (на что указывает обращение к трем слушателям. Обратим внимание на одно замечание Плутарха. Он говорит о застольных речах, отмечая настолько высокое их значение, что даже знаменитейшие философы «сочли достойным труда записать речи, которые велись в симпозиях» (*Застольные беседы* 612e; пер. Я. М. Боровского). Иначе говоря, то, что звучало в узком кружке, записывалось для того, чтобы стать достоянием более широкого круга.

В отличие от своих более южных соседей милетцев «темный» Гераклит максимально сузил круг своих возможных слушателей. Он писал, как оракул, афористически и поместил свою книгу «обо Всем, о государстве и о божестве» на хранение в святилище Артемиды Эфесской, «позабывшись ... написать ее как можно темнее, чтобы доступ к ней имели лишь способные и чтобы обнародование не сделало ее открытой для прозрения» (Диоген Лаэртский IX 6). Форма его сочинения существенно отличается от того, как писали его предшественники. Плутарх оценивает сочинения Гераклита как изречения. А жанр изречений восходит к фольклору и имеет в античной традиции давнюю историю. М. Л. Гаспаров пишет, что этот жанр был достоянием риторики и педагогики (понятно, что в качестве литературного жанра именно здесь он и оформляется). Изречения были трех родов (по степени драматизации) – гномы, апофтегмы и хрии. Гераклит выступает в жанре апофтегм – сентенций. «... Именно с ними можно было связать наиболее обширный круг тематики...» Именно в жанре изречений философия позже становится достоянием широкой публики. (Не случайно наличие цитаты из Гераклита в папирусе из Дервени).⁶ Позже в жанре хрий пишет Зенон Китийский (Диоген Лаэртский VI 91), а за ним киники. В эллинистическое время этот жанр становится едва ли не самым популярным. Но если в случае Гераклита этот жанр представлял философствование, то позднее он входит в ряд назидательной литературы вместе с изречениями спартанских царей или пестрых историй, полностью уходя от философии как таковой.

Итак, жанровое разнообразие, предшествующее собственно философствованию как особому и выделенному из других виду деятельности, является более или менее определенным – это эпические и дидактические поэмы, прозаические генеалогии-истории, восхваления храмов, а также поэмы, представляющие географические и астрономические знания. Ионийские мудрецы, осуществляющие рефлексию по поводу традиции, начинают обсуждать ее в форме речей, обращенных к узкому кругу посвященных. При этом жанр «о природе» не создает определенной литературной формы, оставаясь таковым

⁶ «Подобным же образом Гераклит, ... в своей речи рассуждая подобно автору [священных] речений (ἱερολόγῳ), говоря: «Солнце по [своей?] природе не шире человеческой ступни...» (Афонасин 2008, 314).

лишь по содержанию. Поэтому и поэтические сочинения элеатов принадлежат к нарождающейся традиции «о природе». Однако, по-видимому, линия рапсода Ксенофана направлена на то, чтобы, в отличие от милетцев, представлять свои взгляды как можно более широкому кругу слушателей. Ксенофан и Парменид писали поэмы. При этом у Ксенофана содержание преимущественно традиционно поэтическое, тогда как у Парменида более рациональное. Обычно литературный стиль Парменида называют дидактическим эпосом (как «Труды и дни» Гесиода). И это осознается как им самим, так и другими в качестве продолжения поэтической традиции. Симпликий пишет: «И если он говорит, что единое сущее “подобно цельной массе хорошо закругленного шара”, ...то не удивляйся: из-за поэтической формы он отдает дань и мифотворческому вымыслу. Чем отличается этот способ выражения от выражения Орфея... “серебристое яйцо” ...» (28 A 20 DK).

Со стороны содержания даже для Аристотеля еще не существует четких критериев, согласно которым можно отличить, например, поэта от философа, а философа от пророка. В «Метафизике», говоря о тех, кто в качестве первоначала называл то, от чего все получает движение, Аристотель называет Гесиода и Парменида: «Можно предположить, что Гесиод первый стал искать нечто в этом роде или еще кто считал любовь или вождение началом, например Парменид: ведь и он, описывая возникновение Вселенной, замечает: “Всех богов прежде Эрот был ею замышлен”» (Аристотель, *Метафизика* 984b22–28; пер. М. И. Иткина). А ведь Аристотель живет через два века после времени, к которому обычно относят начало философствования. (Плиний упоминает, что под именем Гесиода сохранилась «Астрономия» (4 A 1 DK)). Если брать более ранние свидетельства, то мы обнаруживаем, что Пифагор и Эмпедокл неоднократно упоминаются вместе с пророками Эпименидом и Аристеом (10^a A 1 DK; Лебедев 1989, 94). Страбон говорит, что Эпименид сочинил «Очищения» в гекзаметрах (3 A 3 DK). Иосиф Флавий в качестве первых эллинских философов называет Ферекида, Пифагора и Фалеса (11 A 11 DK). При этом Ферекид в качестве начал называет Заса, Хроноса и Хтонию, почему Аристотель, хотя и с некоторой оговоркой, относит его к поэтам-богословам, и он попадает в один ряд с Гесиодом и Гомером (*Метафизика* 1091b4 сл.). К этому же ряду сопоставлений можно отнести оценку Гомера Диогеном Аполлонийским. По свидетельству Филодема «Диоген хвалит Гомера за то, что он рассуждал о божестве не мифически, но истинно. По его словам, Гомер считает Зевсом воздух, так как говорит, что Зевс все знает и...» (64 A 8 DK; Афонасин 2009, 572). Гомер, очевидно, рассматривается в ряду тех, кто рассуждает о природе. Таким образом, на этом этапе философия вплетена в традиции разных жанров и как таковая не выделяется ни по форме, ни по содержанию. Рефлексия – это далеко не прерогатива одних философов. Поэты, законодатели, историки, пророки играют здесь не меньшую роль. Позже постепенно результаты их творчества разводятся по разным жанрам и направлениям.

При этом поэты не обходят философские вопросы. Более того, эпические поэты и трагики в своих текстах представляли содержание рефлексии, которое было весьма близким к собственно философствующим авторам, «любомудрам». Уже не раз упомянутые Гесиод и Ферекид относятся к поэтам-богословам. Классифицируя и переосмысливая мифы, они говорят об устройстве Космоса, о порядке, о времени, о мере, и т. д. Показательно, что Парменид, как и Гесиод, в начале своей поэмы призывает богиню справедливости. При этом он представляет текст не как свой собственный, но как боговдохновенный, т. е. здесь наблюдается явное продолжение традиции.

То, что поэты осуществляют своеобразную рефлексию, которую нелегко (если вообще принципиально возможно) отличить от философской, можно увидеть и в том, что С. С. Аверинцев называет риторическим началом, также характерным для греческой художественно-поэтической мысли. Оно выражается, в частности, в фигурах экфразиса и синкрисиса, за которыми встает стремление к исчерпывающим классификациям (Аверинцев 1996). Экфразис представляет собой выражение рефлексии по отношению к метафорически насыщенному поэтическому тексту. Ю. В. Шатин (2004, 218) пишет: «Экфразис становится метаязыковой рефлексией по поводу метафорического содержания картины, он принципиально не изобразителен, а референциален, поскольку сокращает дистанцию между различными семиотическими сущностями и включает в изображенный мир картины эксплицированную точку зрения созерцающего субъекта». Что касается синкрисиса (понимания через сравнение), то он дополняется стремлением сделать любую ситуацию частью более общей картины. В частности, в случаях, когда мы меньше всего этого ждем. Так, например, Медея у Еврипида говорит о своем несчастье как об общем принципе –

*Да, между тех, кто дышит и кто мыслит,
Нас, женщин, нет несчастней. ...
(Еврипид, Медея 230–231, пер. И. Анненского).⁷*

Или

*...Если смыслом
Кто одарен, софистов из детей
Готовить он не будет. Он не даст
Их укорять согражданам за праздность...
(Еврипид, Медея 292–294, пер. И. Анненского)*

Литературные приемы в данном случае используются для выражения рефлексивного отношения к обсуждаемым предметам, важным для организации

⁷ Подобные сентенции становятся для драмы традиционными. Ср. в комедии Плавта (*Купец*, 815–817, пер. А. Артюшкова): «Под тягостным живут законом женщины, / И к ним несправедливей, чем к мужчинам, он».

полисной, гражданской жизни. Но они не ведут к выделению философских тем в отдельные жанры, оставаясь в пределах складывающихся и сложившихся форм словесности.

Но есть и примеры прямой литературной рефлексии, которые также ведут к серьезным и глубоким обобщениям. Это, в частности, возникновение аллегорического метода, применявшегося для оправдания Гомера. В качестве древнейшего писателя, который применил этот метод, упоминают Теагена из Регия, но от него не сохранилось ни одного фрагмента, поэтому о стиле и жанре говорить весьма затруднительно. Но сам подход явно имеет философский характер. Так, утверждается, что Гомер «...дает иногда имена богов и состояниям [духа]: разуму (φρόνησις) – имя Афины, безрассудству – Ареса, вожделению – Афродиты, речи – Гермеса и присваивает их им. Таков этот способ оправдания [Гомера] со стороны стиля; он очень древний и берет начало от Теагена из Регия, который первым написал о Гомере» (8 А 2 ДК). Можно с осторожностью предположить, что эти взгляды Теаген высказывал в форме речей. Но подобные речи, которые мы бы отнесли к жанру литературной критики, в античности к философии не причисляли, хотя, судя по комментарию Порфирия, Теаген обсуждает натурфилософскую проблему соотношения и взаимодействия элементов.

Итак, среди жанров, складывающихся на этом этапе, нет собственно философских произведений, и мы вынуждены их пока отличать лишь по содержанию, рассеянному в произведениях разных форм.

Что касается непосредственных жанровых форм диалога, которые наиболее полно представляют философствование в его развертывании, то здесь можно указать на такие жанры, как сократический диалог и диалог в форме застольных бесед, где собеседники равны между собой и по очереди обсуждают определенную тему. Но первый появился и исчез вместе с его гениальным автором Платоном. А второй, самым известным образцом которого является, по видимому, «Пир семи мудрецов» Плутарха, является продолжением древней традиции, о которой упоминалось выше. Но этот жанр, как и изречения и диатрибы, является именно демонстрацией философии для широкой публики, а не исследованием.

Что же касается продолжения традиции философии как исследования, то она развивается в разных формах – лекций, речей и др., выявляя себя опять же в первую очередь в содержании, а не в отдельных жанрах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверинцев, С. С. (1996) «Риторика как подход к обобщению действительности», Аверинцев С. С. *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. Москва: 158–190.
- Артюшков, А., пер. (1987) *Плавт. Комедии. Т. 2*. Москва.

- Асмус, В. Ф., ред. (1975) *Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1.* Москва.
- Афонасин, Е. В., пер. (2008) «Папирус из Дервени», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 2, 309–337.
- Афонасин, Е. В., пер. (2009) «Диоген из Аполлонии. Фрагменты и свидетельства». *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 3, 559–611.
- Боровский, М. Я и др., пер. (1990) *Плутарх. Застольные беседы.* Ленинград.
- Веселовский, А. Н. (1989) *Историческая поэтика.* Москва.
- Гаспаров, М. Л., пер. (1986) *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.* Москва.
- Донских, О. А. (2014) «Философия как жанр (начало)», *Методология науки и дискурс-анализ.* Москва: 117–139.
- Коллинз, Р. (2002) *Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения.* Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Лебедев, А. В., пер. (1989) *Фрагменты ранних греческих философов.* Москва.
- Соболевский, С. И., ред. (1946) *История греческой литературы. Т. I. Эпос, лирика, драма классического периода.* Москва–Ленинград.
- Шатин, Ю. В. (2004) «Ожившие картины: экфразис и дигезис», *Критика и семиотика* 7, 217–226.
- Harvey, P., ed. (1989) *The Oxford Companion to Classical Literature.* Oxford: University Press.
- Jacoby, F. (1947) “The first Athenian prose writer,” *Mnemosyne* 13, 13–64.
- Kahn, Ch. (2003) “Writing philosophy. Prose and poetry from Thales to Plato,” Y. Harvey, ed. *Written Texts and the Rise of Literate Culture in Ancient Greece.* Cambridge: 139–161.
- Kannicht, R. (1988) *The Ancient Quarrel between Philosophy and Poetry.* Christchurch.
- Toye, D. L. (1997) “Pherecydes of Syros: Ancient theologian and genealogist,” *Mnemosyne* 5, 533–565.